

— "Гарри Поттер!" — позвал ветер. — "Встань и суди!" Я поднял голову. Вокруг меня простирались зелёные холмы под голубым небом. Над головой кружили птицы, а неподалёку слышалось нежное стрекотание разнообразных насекомых. Я не видел такого многообразия природы вне заповедника почти пятьсот лет. Я перекатился на колени, изо всех сил пытаюсь не повредить хрупкие травинки под собой. — "Не волнуйся, Гарри. Здесь не нужно быть осторожным с травой", — донёлся знакомый голос. Не просто знакомый, а тот, который я мечтал услышать на протяжении восьмисот шестидесяти четырёх лет. — "Гермиона?" — прошептал я с мучительной надеждой. — "Да, малыш. Это я". — "Гермиона!" — воскликнул я и бросился к жене, одаривая её приветственным поцелуем, который она всегда любила. Она ответила такой же страстью, и вскоре мы оба задыхались. Каким-то образом наша одежда исчезла. Она была готова, и, одним стремительным движением, я вошёл в её тело. Это не было нежно, ласково или романтично. Это было дико, жестко, страстно и мучительно... и вот, вроде, всё. Я удовлетворил отчаянную потребность, которую мы оба испытывали, и очень удачно. Когда я почувствовал, что она достигла кульминации, я тоже отпустил себя. Обняв её содрогающееся тело, крепко обхватил её руками, и она так же сильно обняла меня. Мы лежали, не отрывая взгляда друг от друга, нежно целуясь и вспоминая годы драгоценной любви, которые мы разделили. ...и, конечно, какой-то мерзавец всё испортил! — "А теперь, когда вы вдвоём сбросили это с плеч..." — прервал наши сладостные воспоминания вкрадчивый голос. — "Вам следует присутствовать на суде". Подняв глаза, я увидел почти полное отражение собственного лица, за исключением глаз. Глаза были лесными, а не зелёными. — "Папа?" — откинулся я на спинку кресла и начал испытывать приступ гипервентиляции. Гермиона наколдовала бумажный пакет и накрыла им моё лицо. Это такое простое маггловское средство чудесным образом помогло мне сохранить рассудок. Стоявший перед нами идиот только рассмеялся. — "Ну, это не то приветствие, которого я обычно жду, но полагаю, это вполне понятно. Я только рад, что твоя мать не пришла первой". — "Ты пришёл первым только потому, что пристегнул меня к этому чертову стулу, Джеймс Поттер!" — ответила ему яростная женская речь, и Джеймс Поттер покраснел, помотывая головой из стороны в сторону, будто искал, куда бы спрятаться. — "Почему он боится?" — спросил я у своей покрасневшей невесты. Покраснение казалось вполне уместным, если учесть, как я держал свои руки. — "Она знает, где он спит, Гарри". Моя прекрасная и изящная жена захихикала, делая восхитительные вещи со своей магией. — "Ах..." — Не раз оказавшись на плохой стороне нрава Гермионы, я прекрасно понимал, какое беспокойство испытывает мой отец. Встреча с Мерлином. Мама стояла там с нарядной улыбкой на лице, протянув руки. Я оторвался от земли и оказался в её объятиях так быстро, что подумал, не вызвала ли она меня. Гермиона медленно встала, громко смеясь. — "Тише ты!" — приказал я, что только заставило её смеяться ещё громче. Мне было всё равно. Мама не обнимала меня девятьсот девяносто восемь лет и девять месяцев, и я собирался наверстать упущенное! Папа присоединился к объятиям, и Гермиона, которая никогда не оставалась в стороне от объятий, тоже сделала это. Не успели мы полностью погрузиться в обнимашки, как к нам подошёл незнакомец. Он был очень похож на Дамблдора, хотя и ниже ростом, а его борода не была столь длинной и одежда не отличалась... вычурностью. На самом деле, он был одет в простую тунику поверх свободных штанов и сапог. Поскольку мы с Гермионой были одеты менее чем подобающе, папа же вышел, чтобы поприветствовать новоприбывшего. Мама прошипела: — "Одевайтесь!". Мы быстро это сделали. — "Гарри," — проговорил папа. — "Это Мирддин Эмрис". Он произносил его как "Мертхин", поскольку имя было валлийским. — "Мерлин?" — спросил я. Сколько бы я ни жил и сколько бы знаменитых людей ни знал, встреча с величайшим из когда-либо живших чаровников была для меня честью. Боюсь, я немного сболтнул лишнего. Надо отдать ему должное: он всё воспринял спокойно. Не считая знающей улыбки и дамблдоровского блеска в васильково-голубых глазах, он полностью игнорировал мою фанатичность. Я чувствовал, как Гермиона трясётся от смеха, стараясь не задеть мои чувства. Она такая, знаете ли. — "Гарри, в твоей жизни многое пошло не так, чего можно было бы избежать, если бы кто-то выбрал

другую дорогу. Твоя жизнь была бы совсем другой, если бы два человека не возомнили себя богами и не развязали войну, чтобы поделить Землю между собой". Мерлин усмехнулся, словно знал, что произойдёт, раньше, чем это случилось, и сказал: — "Раз уж мы заговорили об этом, то здесь есть кое-кто из твоих знакомых, кто хотел бы поговорить с тобой". Он указал мне налево. И там стоял он, во всём своём мерцающем великолепии. Главная и окончательная причина всех моих несчастий. Его голубые глаза блестели, длинная белая борода, казалось, ожидала, чтобы её выдернули, а дважды сломанный нос был идеальной мишенью для третьей попытки. — "Гарри, мальчик мой..." — это всё, что он успел сказать, прежде чем я его уложил. Как же приятно было разmozжить клюв этому старому ублюдку! Когда он упал на землю, я прорычал: — "Не называй меня 'своим мальчиком', ты, жалкий, мешающий старый ублюдок!" Как же на душе стало хорошо! Дамблдор был удивлён. Он не мог понять, почему. — "Гарри!" — воскликнула мама. — "Тебе обязательно было это делать?" Мерлин помог Альбусу подняться на ноги. Интересно, сделал ли он это специально? Насколько мне известно, Мерлин был приверженцем вежливости и прочих подобных вещей. Конечно, он мог подстроить так, чтобы я снова его опрокинул... Бог свидетель, я хотел этого! — "Он уже мертв, мама. Я не могу придумать ничего более долговечного, поэтому выбрала то, что есть. Этот жалкий старый сукин сын несёт полную ответственность за возвышение Гриндельвальда, миллионы погибших во Второй мировой войне, Волдеморта, тысячи жизней, потерянных в Британии во время первой войны, ваши смерти, мою жизнь в качестве раба, воскрешение Волдеморта, смерть слишком многих других, смерть Гермионы, моё печальное существование среди живых в течение последней тысячи лет и..." — "Все, что я сделал, я сделал ради высшего блага!" — благочестиво произнёс старый манипулятор. Я снова его ударил. Он упал на землю, истекая кровью, а я стал кричать на него: — "Большого блага не бывает, болван! Когда ты забываешь обо всех меньших благах, ты становишься тираном. Подумай об этом немного, старый тупой ублюдок!" — "Гермиона," — Лили посмотрела на мою жену. — "Попробуй его успокоить, а?" — Поцелуй должен помочь. — — Вообще-то, мне даже нравится это зрелище. — В ответ она злобно ухмыльнулась. Дамблдор потрясенно смотрел на нее, не в силах представить, что его самый ярый сторонник в жизни может испытывать удовлетворение в своем позоре. И тут же его взгляд потускнел.